

2. Эпоха формирования традиций и расцвета (1960-1967)

Итак, отделение теоретической и прикладной лингвистики начало функционировать с сентября 1960 года. Именно так оно сперва называлось, но затем (кажется, в 1962 году) было переименовано в отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ). В 1962 году была создана также новая кафедра — структурной и прикладной лингвистики, которая осуществляла руководство над отделением. Был начат эксперимент, не имеющий precedентов. Все надо было начинать с нуля. Не существовало ни учебных планов, ни программ курсов, не было опыта преподавания. Учиться должны были и учителя, и ученики. При всем этом у кафедры было главное — готовность к созидательной работе, открытость ко всему новому и неприятие косности и догматизма. На кафедре царила атмосфера первооткрывательства, молодого задора и безусловной веры в «прекрасное завтра», иными словами, нормальная рабочая атмосфера.

Несмотря на немногочисленность, состав кафедры был весьма разнообразным. Кроме самого заведующего, на ней работали широко известные, авторитетные профессора: специалист по русскому языку, один из основателей Московской фонологической школы Петр Саввич Кузнецов; психолог, разрабатывающий проблемы коммуникативных систем, непревзойденный знаток и имитатор «обезьяньего языка» Николай Иванович Жинкин и прославившийся своим напористым участием в фонологической дискуссии 1950 года, а позднее трансформационалист и автор модной в то время аппликативной модели Себастьян Константинович Шаумян. Молодое поколение было представлено тогда Ариадной Ивановной Кузнецовой, эрудитом в области дескриптивной лингвистики, и Андреем Анатольевичем Зализняком, прошедшим стажировку в Сорбонне и только что окончившим аспирантуру в МГУ.

Математический цикл обеспечивали молодые талантливые математики, увлеченные приложением математических знаний к гуманитарной науке — лингвистике: Владимир Андреевич Успенский, Юрий Александрович Шиханович и Александр Дмитриевич Вентцель.

Первое десятилетие можно назвать периодом накопления опыта и формирования традиций. Постепенно отрабатывается структура учебного плана. План этот на протяжении истории отделения многократно менялся, и трудно найти такое пятилетие, которое не было бы затронуто теми или иными новациями (поэтому большинство курсов училось по так называемым переходным планам). Однако основные его принципы были намечены уже на первой стадии существования отделения и более или менее окончательно сформированы во второй половине 60-х годов. Какие же это принципы?

Во-первых, *усиленное изучение математики* на протяжении всего периода обучения. Престижная позиция математики при этом определяется не только и не столько возможностями ее практического сиюминутного использования в тех или иных областях лингвистики, а ее репутацией основного претендента на роль общей философии науки: математика формирует специфический научный менталитет, критерии точного знания. В той степени, в какой для лингвиста является целью достижение объективного, точного, адекватного знания (справедливости ради надо отметить, что, при всей важности этих качеств, достоинства лингвистического исследования далеко не исчерпываются ими), в той степени лингвисту необходимо усвоение такого менталитета.

Во-вторых, *максимально углубленное освоение фундаментальных лингвистических знаний в области внутренней структуры языка*. Вместо традиционного филологического курса «Введение в языкознание», в котором эти вопросы обычно затрагиваются весьма бегло, на отделении был введен объемный двухлетний курс «Теория языка», состоящий из четырех частей, в соответствии с основными языковыми уровнями: фонетика, морфология, синтаксис, семантика.

В-третьих, *особое внимание к русскому языку как основному объекту прикладных исследований*. Русский язык изучается в синхронном и диахроническом аспектах с привязкой к основному курсу «теория языка».

В-четвертых, *интенсивное изучение иностранных языков в практическом плане*.

Эти принципы прошли проверку временем и оказались весьма стабильными. Они и по сей день составляют основу обучения на отделении.

Параллельно с учебным процессом шла работа по организации *научной деятельности*. На факультете еще до создания отделения существовала лаборатория экспериментальной фонетики, основанная некогда А. А. Реформатским. В 1960 году А. А. Реформатский уже на факультете не работал, и лаборатория находилась в крайне запущенном состоянии. Кроме сломанных студийных магнитофонов и интонографа в ней ничего не было¹. Эта лаборатория была придана кафедре как ее структурное подразделение. Лаборатория и кафедра находились на противоположных концах бесконечного петляющего коридора — главной магистрали филфака.

В. А. Звегинцев добился в 1962 году выделения для лаборатории и кафедры отдельного и довольно просторного помещения в соседнем с факультетом здании (Моховая, 20) — в полуподвальном этаже². Было осуществлено строительство студии звукозаписи с особыми акустическими параметрами (необходимо было, в частности, нейтрализовать помехи, создаваемые шумным соседом и автомобильным движением по улице Герцена), добыта необходимая аппаратура, создавался спектроанализатор силами инженера В. Чудновского, перешедшего из лаборатории В. А. Артемова. В. А. Звегинцев пригласил заведовать лабораторией И. А. Зимнюю, но, к сожалению, этот план не осуществился. В течение ряда лет лабораторией заведовала Зоя Михайловна Мурыгина, позднее заведование перешло к Любове Владимировне Златоустовой.

Вообще надо сказать, что расширению штата лаборатории, ее научной программы и материально-технической базы В. А. Звегинцев уделял много сил и внимания. Замысел его был совершенно ясен и правилен: *лаборатория* должна была стать научным подразделением кафедры, выполняющим разнообразные научно-исследовательские работы по прикладной лингвистике (среди которых экспериментальная фонетика является важной, но не единственной составляющей), а также местом приобщения студентов к самостоятельной научной работе по индивидуальным программам. В этой области сделано было очень много, но осуществление ряда планов наталкивалось на непреодолимые организационные препятствия (отсутствие ставок, средств для импортной аппаратуры и т.п.).

Весной 1962 года на кафедру обратился профессор Дмитрий Юрьевич Панов (в 1954 году он был инициатором развертывания работ по машинному переводу в нашей стране) с необычным предложением: заключить с кафедрой договор (Д. Н. Панов руководил отделом в одном из почтовых ящиков) на проведение работ по автоматической обработке текста. В мае 1962 года был заключен первый в истории факультета *хозяйственный договор* (руководил договором В. А. Звегинцев, я выступал в роли ответственного исполнителя). Впоследствии эта форма сотрудничества с промышленностью и отраслевыми НИИ стала вполне обычной, договора появились и на других кафедрах. На кафедре структурной и прикладной лингвистики число договоров временами переваливало за десяток и на них работало более ста человек, но начало было положено уже в первые годы становления кафедры. Хоздоговорная форма научной работы была задумана как способ материальной и организационной поддержки перспективных научных направлений в вузах, дающей им свободу кадрового маневра, расширяющей их научный потенциал и в то же время сближающей учебный процесс с

¹ Помню, как я в 1960-1961 году во время работы над дипломной темой по спектральному анализу гласных вынужден был всю экспериментальную часть осуществлять на стороне, в прекрасно по тем временам оборудованной лаборатории В. А. Артемова в МГПИИЯ.

² Там, где ранее размещалась поликлиника, рядом с тиром.

практикой. Хоздоговора — это советский аналог западной системы научных грантов, на которую мы сейчас пытаемся переходить. Существенно, что в этом отношении кафедра сближалась с естественными факультетами МГУ, будучи на своем родном факультете белой вороной и очень этим некоторых раздражая.

Начиная со второго набора, число поступающих на отделение было определено в 25 человек³. И перед кафедрой вставал актуальный вопрос привлечения на отделение одаренной молодежи: ведь в системе школьного обучения лингвистика как предмет отсутствует, а то, что в школе имеется в виду под названием «русский язык», так же далеко от лингвистики, как кулинарное дело от химии. Поначалу возникла подшефная школа (20 спецшкола с преподаванием ряда предметов на иностранном языке). В ней студенты отделения вели факультативные занятия. Одним из этих студентов был Алик Журинский. Помню, как однажды он подошел ко мне с неожиданным проектом: провести для школьников *лингвистическую олимпиаду*. В качестве заданий можно было бы использовать задачи типа тех, что сочинил А. А. Зализняк⁴.

Большое будущее у этой идеи увидел В. А. Успенский. Он же сформировал и возглавил Оргкомитет по проведению Олимпиады, отнесясь к начинанию чрезвычайно ответственно — как к мероприятию, задуманному на века, и соответствующим образом продумывая все ее детали, начиная с подготовки и издания особого приказа ректора И. Г. Петровского (№ 105 от 30 мая 1965 г.) и формулировки ее названия и кончая гардеробом и буфетом. По его предложению, на полутора тысячах афиш, расклеенных по городу, разнесенных в школы и всевозможные учреждения, объявлялась «I традиционная олимпиада по языковедению и математике» (каждое слово в этом названии, включая союз «и» и римскую цифру «I», тщательно обсуждалось⁵). Заседания Оргкомитета проходили как захватывающие шоу, особенно когда с председателем вступал в спор въедливый Александр Дмитриевич Вентцель, не прощающий тому ни малейшей неточности. Это был для всех нас, рядовых членов Оргкомитета (в Оргкомитет входили А. Д. Вентцель, А. А. Зализняк, А. Н. Журинский, Б. Ю. Городецкий, И. Г. Милославский, А. Е. Кибрик), замечательный урок стратегического планирования нового мероприятия и облечения необходимой рутинной работы в форму увлекательной игры.

Первая олимпиада была проведена в 1965 году и стала одной из лучших традиций отделения. Подготовка к ней осуществлялась практически круглый год. Работала задача комиссия, которая сочиняла, отбирала и шлифовала задачи очередной Олимпиады, а за несколько месяцев до ее проведения формировались Оргкомитет и Оргкомиссия (последняя состояла из студентов, которые осуществляли всю практическую работу во время Олимпиады). Олимпиада сыграла известную роль в пропаганде лингвистических знаний как среди школьников, так и среди учителей. Об истории «олимпиадного движения» будет еще говориться ниже, но можно отметить, что среди нынешних известных лингвистов немало призеров нашей Олимпиады.

Олимпиада, кроме своей прямой агитационной функции, выполняла также объединяющую роль на отделении: в неформальной обстановке и на добровольной⁶ основе студенты разных курсов вместе с преподавателями и аспирантами делали общее дело на благо своего отделения. Кроме всего прочего, это была воспитательная работа в истинном значении этого слова.

В начале 60-х годов наряду с ОСиПЛОм возникали аналогичные отделения и в других университетах страны: в Ленинграде, Киеве, Горьком, Новосибирске, Тбилиси, в

³ В дальнейшем число обучающихся на одном курсе всегда примерно соответствовало этой норме.

⁴ Незадолго до этого была опубликована его новаторская статья: Зализняк А. А. Лингвистические задачи. // Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 137-159.

⁵ Это название не осталось незамеченным в нашем искусстве: в фильме «Тридцать три» имеется ремарка о первой традиционной олимпиаде по пожарному делу.

⁶ Лишь этим она отличалась от «картошки», ставшей для многих филфаковцев, как теперь выясняется, самым ярким воспоминанием о студенческой жизни.

МГПИИЯ (Москва). Никаких стандартных или общеобязательных программ для этих отделений не существовало, и каждый «творил, выдумывал, пробовал» по-своему и выживал как умел. ОСиПЛ выступило с инициативой проведения своеобразного обмена опытом — в форме *всесоюзных студенческих конференций по структурной и прикладной лингвистике*. Первая такая конференция была проведена в МГУ в 1965 году, последняя — десятая — в начале 80-х годов. Эти конференции давали студентам возможность приобщиться к академическим формам научной работы, познакомиться с профилем обучения в других вузах. Они проводились в разных городах: Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Горьком, Москве. Однако был замечен разрыв в уровне обучения, особенно в отношении фундаментальной лингвистической подготовки. Большинство аналогичных отделений оказалось нежизнеспособными, и они одно за другим закрывались (сохранилось по сей день только отделение математической лингвистики в Петербурге⁷).

Плодотворный учебный процесс на теоретической кафедре невозможен без научной работы, а научная работа — без публикаций. Прирожденный издатель, В. А. Звегинцев решил основать в университетском издательстве особую серию: «*Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики*». Предполагалось в идеале издавать ее выпуски ежегодно. Первый такой выпуск вышел в свет в 1965 году. Назван он был обтекаемо-парадоксально «Теоретические проблемы прикладной лингвистики», и никаких тематических ограничений на состав статей не налагалось.

Возникновением еще одной традиции ознаменовался 1967 год — была проведена первая *научно-учебная лингвистическая экспедиция* по изучению неизвестного языка. В студенческие годы мне довелось побывать в диалектологической экспедиции в Архангельской области и вдохновиться романтикой лингвистических странствий. Опираясь на этот опыт, а также на практику двуязычных олимпиадных задач, я как-то обратился к В. А. Звегинцеву с предложением, что неплохо было бы отработать методику работы с незнакомым языком в полевых условиях и обучать этой методике студентов: это было бы лучшим способом приложения теоретических знаний (и проверки их общности) к живому языковому материалу. Надо сказать, что В. А. Звегинцев, придерживаясь в принципе авторитарного стиля руководства⁸, охотно поддерживал всякую мало-мальски разумную инициативу снизу. И на этот раз он сразу же перевел разговор в практическую плоскость: мол, организуйте и поезжайте. Опасения насчет того, что нет опыта, он не принимал. Попробуйте и научитесь.

В первой экспедиции участвовало восемь исследователей: четверо преподавателей и сотрудников (Б. Ю. Городецкий, А. И. Кузнецова, А. Е. Кибрик, И. П. Оловяникова) и четверо студентов (среди них А. Н. Барулин, до недавнего времени декан факультета теоретической и прикладной лингвистики РГГУ). В качестве объекта исследования был избран один из дагестанских языков — лакский. Больших научных достижений эта экспедиция не принесла, но она дала уверенность в реализуемости задуманной программы (см. ниже).

⁷ Восстановлено было аналогичное отделение в МГЛУ (бывший МГПИИЯ).

⁸ Не из-за своих тиранических наклонностей, а из-за органического неприятия всякой «болтовни» — самой уничижительной характеристикой в его устах был приговор: «Имярек — балаболка».